

FAN, TA'LIM VA AMALIYOT INTEGRATSIYASI

ISSN: 2181-1776

Каспаров А. Р.

магистр археологии, докторант кафедры археологии Самаркандского государственного университета Узбекистан, Самарканд,
Университетский бульвар 15

АРИИ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Изучение сапаллинской культуры дало мощный импульс в рассмотрении самых важных проблемных вопросов, в том числе, сложение первых государственных образований и Бактрийского культурогенеза в целом. Работа, построенная на рассмотрении материалов некрополей сапаллинской культуры Бустон VI-VII, в частности, обряда трупосожжения и вторичного захоронения. Приводятся свидетельства сложной кооперации местных оседло-земледельческих племен и пришлого пастушеского населения, известные под общим самоназванием ариев.

Ключевые слова: Сапаллинская культура, эпоха бронзы, Северная Бактрия, кремация, вторичные захоронения, арии.

Сапаллинская культура, открытая в начале 70-х гг. прошлого века А. А. Аскарковым, дала мощный толчок широким исследованиям, в том числе международным, в контексте становления урбанистической цивилизации в среднеазиатском регионе [Аскарков 1973; 1977; Аскарков, Абдуллаев 1983]. Занимая территорию южного Узбекистана, она была верифицирована по античным письменным источникам с Северной Бактрией, которую определяют как северобактрийский вариант Бактрийско-Маргианской археологической культуры [Аванесова, 2010. С.107; Дубова, Куфтерин, 2015. С. 7]. Хронологически, культура охватывает практически все II тыс. до н.э. и делится на пять последовательно сменяющихся этапов с характерными для них особенностями в социальном, культурном и

мировоззренческом отношении. Известна она по таким памятникам, как поселение-протогород Сапаллитепа, протогород, храм огнепоклонников и одноименные могильники Джаркутан 1-5, Бустон 1-7, Молали, расположенные на территории Сурхандарьинской области в трех древнеземледельческих микрооазисах – Шерабадском, Шурчинском и Бандыханском.

Базируясь на земледельческой форме хозяйствования, все ее основные характерные черты соответствовали ранним этапам формирования протогородской агломерации. Особую актуальность в этой связи приобретает проблема становления государственности, так как длительное время этот вопрос составлял так называемый миф о «Бактрийском мираже» [Кузьмина, 1972. С. 131-146; Попов, 2015 С. 49-54].

Однако с изучением памятников СК и введением в научный оборот новых материалов, картина становления указанной культуры оказалась более многогранной, чем предполагалось ранее. Стало очевидно, что здесь происходили процессы сложной кооперации местных оседло-земледельческих племен и пастушеского населения Евразийских степей, известные в научной литературе под общим самоназванием арии. Они являлись далекими предками индийцев и иранцев, длительное время жившие на смежных территориях, что привело к возникновению индо-иранской языковой и культурной общности [Елизаренкова, 1999. С. 429]. Этимология слова «арий» не имеет единого мнения. Так, в санскрите *árya* означает «благородный», из праиндоиранского, *ar(y)* означает «господин». Весьма дискуссионен и вопрос прародины древних ариев, а ареал их первоначального расселения охватывает территории от Балкан и Малой Азии, до Приуральских степей, а также в Индии, Средней Азии, на Памире и даже арктической зоне [Кузьмина, 2008. С. 31].

Наши исследования позволяют полагать, что арии по пути в Индию прошли через Северную Бактрию, чему и посвящена настоящая работа. Источниковедческой базой являются некрополи Бустон VI и Бустон VII (далее Б VI, Б VII). С 1987 по 2008 гг. Кафедра Археологии Самаркандского госуниверситета под руководством основного исследователя – проф. Н. А. Аванесовой в рамках полевой археологической практики проводила здесь стационарные исследования. Б VI – экстраординарный, полиритуальный памятник заключительного времени существования Сапаллинской культуры и охватывает рамки с конца XIV по X вв. до н.э. [Аванесова, 2013а]. Соседний с ним холм, на котором расположен могильник Б VII, начал осваиваться значительно раньше – начиная с джаркутанского этапа (XVII в. до н. э.), но около 80% всех захоронений также относятся к заключительной стадии СК, что роднит эти два комплекса. Здесь наилучшим образом проявилось внедрение отдельных групп скотоводческого населения срубно-андроновских племен в древнебактрийский регион. Необходимо отметить, что Северная Бактрия не являлась для степной цивилизации конечным пунктом их миграции, но, безусловно, находилась на пути дальнейшего продвижения.

Следы степного мира отмечены в материальной культуре, как утилитарного, так и ритуального характера [Аванесова, 2010. С. 107-134; 2013а. С. 38-39], в антропологическом материале Б VII [Мустафокулов, 1996. С. 37-38] и изменчивости в морфологическом облике населения Б VI [Дубова, Куфтерин, 2015. С. 61]. Особенно яркие новации произошли в мировоззренческих представлениях, отраженные в погребальном обряде указанных некрополей [Аскарлов, 1973. С. 5-8; Аванесова, 2013а. С. 6; С. 298-370, С. 499-511; 2013б. С. 27-34] и стали следствием кардинальных

изменений в системе жизнеобеспечения сапаллинского общества. На основе упомянутых памятников, в предлагаемой работе будут рассмотрены 2 новых обряда погребальной практики СК, широко применявшиеся вплоть до становления урбанистической культуры в регионе.

Первым и, наверное, самым ярким маркером существенного влияния пришлое степного населения на местных земледельцев в погребальной практике, можно назвать *обряд трупосожжения*. Кремирование усопшего – практика, не характерная для СК, однако в могильнике Б VI подобное обращение с покойным зафиксировано в 17% (36 случаев). Кроме того, факт кремирования зафиксирован и в некрополе Б VII. Предание тела покойного огню происходило на выделенных сакрализованных площадках в пределах комплекса, в специально сооруженных для этих целей ящиках из сырцового формованного кирпича полуназемного устройства [Аванесова, 2013а, С. 21, 511-512, 550; Аванесова, Ташпулатова, 1999. С. 28]. Очевидно, что появление нового способа захоронения в таком консервативном обряде, как погребение своих соплеменников, не мог возникнуть без серьезного побудительного мотива, коим вероятно, явился приток инокультурного субстрата.

Конечно, применение противоположному ингумации (захоронение тела умершего целиком в могильную яму) варианта трупосожжения, могло быть вызвано и иными причинами, например условиями смерти, социальными или половозрастными характеристиками и пр. Но совершенно ясен тот факт, что на заключительных этапах СК усиливается социальная дифференциация общества, вызванная, в том числе, контактами с инородным компонентом. Р. Пандей указывает, что ведийские арии стремясь переправить умершего на Небо к предкам, считали правильным отдавать тело усопшего Агни¹. Огонь, согласно Ригведе считался вестником богов и приносящий им жертвы [Ригведа, I-60]. При этом было и другое верование, согласно которому огню должны быть преданы грешники, ибо предав их земле, души их становились злыми духами [Пандей, 1990. С. 192].

Кроме того, кремирование тела человека в представлениях индоариев есть приносимая богам жертва, а жертвенный ритуал тесно связан с космологическими представлениями, как своеобразное средство упорядочения космоса. Весь путь человека пронизан жертвоприношениями, и сожжение умершего на погребальном костре есть последняя, заключительная жертва [Ригведа, I-130, 174].

Л. С. Клейн выдвинул концепцию, согласно которой кремирование человеческих останков представляет собой своеобразное “кормление” бога огня Агни, так как культ огня и его проявление видится высшим жизненным началом. Через такое “посвящение” огню усопшему соплеменнику воздают последние почести, отправляя тем самым его в иной мир. При этом умерший сохраняет свои индивидуальные характеристики и продолжает существовать [Клейн, 2010. С. 248].

Особую значимость рассматриваемому обряду придают долговременные кострища, которые располагались с трех сторон относительно ящиков для трупосожжения. Широкое использование огня на начальных этапах СК не наблюдалось. Более того, такое многообразие огненной символики зафиксировано только на БVI [Аванесова, 2013а. С. 23-25; Аванесова, Ташпулатова, 1999; Каспаров, 2013]. К проявлениям культа огня следует отнести и частое использование его заменителей: охру, гипс, мел.

¹ Агни – древнеиндийский бог огня, домашнего очага, жертвенного костра

Последние являются специфическим этнопоказателем срубных племен, которые, вероятно и принесли эту традицию в Бактрию.

К проявлениям почитания огня нужно отнести, известные в могильнике Бустон VI специальные сакрализованные площадки, сооруженные под открытым небом для ритуального жертвоприношения и различных церемониальных действий. Такие священные места назывались у зороастрийцев "пави" - чистое место [Бойс, 1987. С. 13; Сарияниди, 2010. С. 36]. Они содержат грунтовые алтари различных форм и размеров. Всего выявлено 23 алтарных ямы с мощными отложениями в виде супеси, углисто-сажистых прослоек, угольно- и пепельно-зольных наслоений, продуктов горения органических жиров и вероятно съестных подношений [Аванесова, 2002. С. 109-110]. Подобные возлияния характерны на всем протяжении функционирования памятника, о чем свидетельствуют найденные в них немногочисленные фрагменты керамики, характерные для степных культур. Значительно чаще в них встречаются обломки андроновских сосудов – посуда пришлого, степного населения, фрагменты которых возможно, являются маркерами принадлежности данного алтаря к соответствующей группе. Здесь же разводились костры. Известны не менее 50 остатков костра по всей территории могильника BVI, где они концентрируются на сакрализованных площадках [Аванесова, 2001. С. 35-36]. Проявлениями долговременного горения огня служат и достаточно большие площади прокаленного слоя почвы в сакрализованных местах, где на "освященной" подобным образом территории, затем совершались различные умиловительные, искупительные, поминальные и другие ритуалы.

Другим, не менее показательным явлением воздействия степных племен является **вторичный обряд захоронения** – выставление умершего человека на специальный помост (дахму), сооруженный на открытом воздухе с последующим погребением сохранившихся костных останков в могильной камере [Хисматулин А. А., Крюкова, 1997. С. 210-219]. При рассмотрении подобных могил очевидным становится факт, что экскарнация (очищение костей от мягких тканей) на стороне – в могилах не доставало многих мелких костей (фаланги пальцев, ребра, позвонки и пр.). Как происходил этот процесс, наглядно показывает сюжет, изображенный на одной из бронзовых печатей, обнаруженной в Бактрии [Сарияниди, 2010. С. 51]. На ней изображены тела людей, на которые слетались дикие птицы и сбегаются собаки. В 7 фрагменте Видевдата (одна из 4 частей Авесты), посвященный закону об очищении [усопшего], есть следующие указания:

И остается в поле

пока собака не обгложет труп

или пока плотоядные птицы не устремятся к нему. [Видевдат, 7, I-3]

Такой вариант погребения может служить одним из подтверждений гипотезы о возможном зарождении зороастрийской традиции в доисторической Бактрии. Конечно, говорить о том, что Зороастрийская религия уже во второй половине II тыс. до н.э. существовала в пределах СК неуместно и неправильно, но подобная традиция, а также некоторые другие аспекты погребальной практики могут свидетельствовать о протозороастрийских воззрениях на территории Бактрии. Вопрос о связи данного обряда с зороастрийской традицией в контексте заявленной темы актуален потому, что и Иран и Индия в равной степени претендуют на роль прародины Зороастризма

(этот вопрос и по сей день остается весьма дискуссионен). Не вдаваясь в подробности общих корней, отметим, что первоначальная область распространения ариев определяется широко: от Балканского полуострова и/или Малой Азии до Приуральских степей, а также являются носителями индоевропейских диалектов [Елизаренкова, 1999. С. 429]. Один корень происхождения в первую очередь подтверждает и то, что, несмотря на географическое отдаление друг от друга, язык общения, на которых разговаривает индоарийское и иранское население, относится к одной восточной ветви индоевропейской семьи. Протоиндоиранцы принадлежали к одной из групп так называемых ямных культур степных жителей [Бойс, 1987. С. 22].

В подтверждение тезиса о преднамеренном выставлении тела усопшего, свидетельствует также обнаружение на отдельной площадке могильника Б VI каменного наброса подпрямоугольной формы, под которым было зафиксировано большое [очистительное] кострище, а в непосредственной близости – объекты непогребального назначения [Аванесова, 2013а. С. 512, 519; Аванесова, Каспаров, 2015. С. 30, С. 47, рис. 6].

Конечно, указанный вариант захоронения резко отличается от традиционной практики одиночного погребения в землю и должен быть выделен в отдельную ритуальную практику населения СК. В заключительный период культуры подобные захоронения достаточно многочисленны в могильниках Б VI-VII (32 и 13 соответственно), однако появляются они, хоть и в единичных случаях, уже с кузалинского [Ионесов, 1990. С. 107, 109, рис. 60]. Это еще раз указывает не на одномоментное проникновение новых воззрений, а на постепенные, усилившиеся волны миграции степных племен в наш регион во второй половине II тыс. до н. э. Такой способ в погребальной практике степных племен был широко распространен, но наиболее близкие аналогии демонстрируют захоронения срубно-андроновского круга на территориях Южного Урала, Казахстана, Поволжья и Оренбуржья [Ткачев, 2010. С. 258-264; Усманова, 2005. С. 20-21, 89; Моргунова, 2005. С. 124; Губин, 2012. С. 222].

Рассмотренные выше новшества в погребальном обряде подтверждает тезис о проникновении пастушеских племен в Бактрию, начавшееся в конце первой половины II тыс. до н. э. с территории Южного Приуралья, но заметно усилилось в XIII-XII вв. до н. э. [Аванесова, 2013а. С. 35]. Они были привнесены в сапаллинский комплекс прохождением срубно-андроновского субстрата, известного впоследствии как индоарии.

То, что они проникли во II тыс. до н.э. в северо-западную часть полуострова Индостан с территории распространения носителей андроновской культурно-исторической общности, в том числе через территорию Северной Бактрии, поддерживают многие исследователи [Иванов, Топоров, 1960. С. 13; Дьяконов М., 1961. С. 42-43; Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 52; Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 106; Грантовский, 2007. С. 27-28; Дьяконов И., 2012. С. 139], с чем согласны и мы.

Таким образом, верифицируя весь комплекс новшеств СК (в нашем случае новаций в погребальном обряде) с литературой ведийских ариев, а также более поздней зороастрийской традицией, известной нам по Авесте, открывается интереснейшая картина формирования религиозных основ развития нашего региона. Дальнейшее изучение памятников сапаллинской древнеземледельческой культуры, безусловно, необходимо для более полного понимания мировоззрения населения Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста «Закон против девов» (Видевдад) // Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. Санкт-Петербург, 2008
2. Ригведа. Мандалы I-IV // Серия "Литературные памятники". Изд. подготовила Т. Я. Елизаренкова. Москва, 1999
3. Ригведа. Мандалы IX-X // Серия "Литературные памятники". Изд. подготовила Т. Я. Елизаренкова. Москва, 1999
4. **Аванесова Н. А.** Результаты исследования некрополя Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2000г. Самарканд, 2001
5. **Аванесова Н. А.** Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии – Бустон VI // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Санкт-Петербург, 2002.
6. **Аванесова Н. А.** Степной пласт доисторической Бактрии // Центральная Азия: источники история, культура. ТДМК, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского. Москва, 2003
7. **Аванесова Н. А.** Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы международной научной конференции.. Самарканд-Ташкент, 2010
8. **Аванесова Н. А.** Святилище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник. Вып. 2. Барнаул, 2012
9. **Аванесова Н. А.** Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд. Межденародный Институт Центральноазиатских исследований – МИЦАИ, 2013а
10. **Аванесова Н. А.** Погребальный обряд некрополя Бустон VI, как отражение межкультурных взаимодействий // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. МИЦАИ, Париж-Самарканд, 2013б
11. **Аванесова Н. А., Ташпулатова Н. А.** Символика огня в погребальном обряде сапаллинской культуры // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Ташкент, 1999
12. **Аскарлов А. А.** Сапалитепа, Ташкент, 1973.
13. **Аскарлов А. А.** Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
14. **Аскарлов А. А., Абдул, лаев Б. Н.** Джаркутан. Ташкент, 1983.
15. **Бойс М.** Зороастризм. Верования и обычаи. Москва, 1987
16. **Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.** Индия в древности. Москва, 1985
17. **Грантовский Э. А.** Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва, 2007
18. **Губин А. С.** Нерядовые погребения срубныхх5к ой культуры // Филология и культура. Вып. 2 (28). Казань, 2012

19. **Дубова Н. А., Куфтерин В. В.** Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI) // Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 4. Москва, 2015
20. **Дьяконов И. М.** История Мидии. Баку, 2012
21. **Дьяконов М. М.** Очерк истории древнего Ирана. Москва, 1961
22. **Елизаренкова Т. Я.** «Ригведа» - великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. Серия "Литературные памятники". Москва, 1999
23. **Иванов В. В., Топоров В. Н.** Санскрит. Москва, 1960
24. **Ионесов В. И.** Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседло земледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н. э. Южного Узбекистана) // дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Самарканд, 1990
25. **Каспаров А. Р.** Огонь в погребальной обрядности Сапаллинской культуры (по материалам некрополя Бустон VI) // Узбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида. Материалы Республиканской конференции молодых ученых. Самарканд, 2013
26. **Клейн Л. С.** Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010
27. **Кузьмина Е. Е.** К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии ("Бактрийский мираж" и археологическая действительность) // Вестник древней истории. № 1 (119) Москва 1972
28. **Кузьмина Е. Е.** Арии – путь на юг. Москва-Санкт-Петербург, 2008
29. **Моргунова Н. Л.** Могильник Уранбаш-южный // Каргалы. Том IV. Составитель и научный редактор Е. Н. Черных. Москва, 2005
30. **Мустафокулов С. И.** История формирования населения Бактрии-Тохаристана // дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Самарканд. 1996
31. **Пандей Р.** Древнеиндийские домашние обряды. Москва, 1990
32. **Попов А. А.** Место Греко-Бактрии в истории и культуре древности // Вестник СПбГУКИ № 4 (25). Санкт-Петербург: 2015
33. **Сарианиди В. И.** Задолго до Заратуштры (археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). Москва, 2010
34. **Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. Москва, 1977
35. **Ткачев В. В.** Вторичные захоронения из Алакульских памятников в южных отрогах Уральских гор // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 6. Самара, 2010
36. **Усманова Э. Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск, 2005
37. **Хисматулин А. А., Крюкова В. Ю.** Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. Санкт-Петербург, 1997